

УДК 347.6

**ОТРАСЛЕВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОСПОСОБНОСТИ
И ДЕЕСПОСОБНОСТИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ***Е.В. Косенко***Аннотация**

В статье представлен анализ сложившейся доктрины правосубъектности физических и юридических лиц в гражданском и семейном праве с точки зрения их сравнительного анализа и отраслевых характеристик. Автор приглашает к дискуссии относительно предложения об отказе от преимущественно цивилистического подхода к определению правоспособности и дееспособности. Это обусловило предложение автора о возможности приведения отраслевых теоретических выводов в соответствие с общей теорией права.

В работе использован современный научный материал по теории права, представлены инновационные предложения в указанной области знаний, предпринята попытка распространить отдельные предложения и на отрасль «Семейное право». Предложена авторская дефиниция отраслевых понятий *правоспособность* и *дееспособность*, обоснована необходимость их определения на основе глубокого анализа научных изысканий учёных как советского, так и современного периода развития правовой мысли.

Ключевые слова: правоспособность, дееспособность, правосубъектность, физическое лицо, юридическое лицо, свойство субъекта, право субъекта.

В области семейного права исследования многих учёных затрагивают семейную дееспособность физических лиц (см. [1–10]). Дееспособности лиц юридических в отечественной юридической литературе не уделяется должного внимания. Российское гражданское законодательство не знает понятия *дееспособность юридического лица*. При этом юридическое лицо правосубъектно всегда, поскольку не нуждается в получении дееспособности, достаточно юридического закрепления его статуса в качестве определённого вида юридического лица, то есть получения им одной лишь правоспособности. Физическое лицо для обретения правосубъектности должно обладать и право- и дееспособностью.

Мы полагаем, что дееспособность как свойство (качество) не является прерогативой именно физических лиц¹, и обращаем внимание именно на гражданско-правовые нормы, поскольку понятие *дееспособность*, первоначально принадлежащее исключительно гражданскому состоянию лица, постепенно вошло в общую теорию права и сегодня рассматривается учёными-теоретиками применительно ко всем отраслям права как состояние (свойство) субъекта с точки зрения его общеправового положения.

¹ Гражданский кодекс Китая в ст. 36 содержит следующее указание: юридическими лицами являются организации, которые обладают гражданской правоспособностью и гражданской *дееспособностью*, которая возникает с момента его образования и прекращаются в момент его ликвидации (ГК КНР).

В этой связи научный интерес представляет предложение С.И. Архипова, представленное им в докторской диссертации [11]. Он полагает, что конструкция правоспособности, сформулированная через единство двух понятий: *правоспособности* и *дееспособности* – является противоречивой и нелогичной, поскольку её невозможно применить к юридическим лицам, и предлагает рассматривать правосубъектность посредством «вертикальных связей», когда одно состояние принимается за «низшее», другое за «высшее», а затем оценивается переход между этими состояниями. Таким образом, приходит к выводу: «дееспособность следует определить как более высокую ступень, стадию по сравнению с правоспособностью; дееспособность включает в себе правоспособность как свою предпосылку» [11, с. 10]; причём правоспособность лишь обозначает субъекта, а элементами, составными частями правоспособности выступают не права или обязанности, а способности (возможности) быть: лицом в праве; носителем (обладателем) прав и обязанностей; субъектом правоотношений; субъектом правосознания; правовым деятелем и т. д. [11, с. 23–24].

Полагаем, С.И. Архипов указывает этим на некий абстрактный характер правоспособности субъекта². Безусловно, правоспособность обладает таким признаком. Законодатель наделяет субъекта правами и обязанностями, ещё не зная, будет ли субъект их осуществлять или они так и останутся лишь его абстрактной возможностью. Абстрактный характер гражданской правоспособности, по мнению Б.Н. Мезрина, определяет её положение между конкретным субъектом и другими лицами, напротив, если мы рассматриваем правоспособность как положение между субъектом и государством – она статична и конкретна [13, с. 52].

Этот тезис, как нам представляется, можно распространить и на общую правоспособность субъекта, ведь во взаимоотношении между субъектом и государством набор этих возможностей (их конкретный перечень) всегда известен, тогда как иные лица, взаимодействуя с субъектом, не могут знать, каким правом воспользуется субъект.

Т.И. Илларионова справедливо отмечает, что правосубъектность чаще всего определяется через категорию *способность* [14, с. 57]. А что есть способность субъекта? Это и есть правоспособность, то есть способность быть лицом в праве, что непосредственно определяется наличием прав и обязанностей субъекта.

В свою очередь, дееспособность лица предлагается С.И. Архиповым рассматривать не как формальное, стабильное свойство субъекта права, которое, однажды возникнув, всё время остаётся неизменным, независимо от его воли, его стремлений, иных условий, а как сложное правовое состояние лица, которое отражает постоянно меняющийся уровень его готовности к выполнению различных функций субъекта права: «...Чтобы она оказалась применимой в отношении иных лиц, под дееспособностью предлагается понимать определяемую правом порядком готовность (способность) лица с точки зрения воли, сознания, организационных, имущественных, иных условий к осуществлению функций субъекта права» [11, с. 11].

² Противником абстрактного характера правоспособности был Я.Р. Веберс, полагавший, что правоспособность как предусмотренная законом реальная юридическая возможность является определённой действительностью, а её абстрактность может проявляться лишь в сравнении с конкретными субъективными правами и обязанностями [12].

Поддерживая это положение, С.В. Кузнецов пишет: «...С одной стороны, дееспособность обуславливается действующим законодательством, с другой стороны, волей, сознанием лица, другими внутренними факторами, и в данном аспекте можно, с определённой долей вероятности, говорить, что она характеризует в большей мере субъекта правоотношений, а не права. Дееспособность, в отличие от правоспособности, не есть формальное свойство субъекта права, оно включает в себе оценку состояния правовой зрелости лица, наличия у него необходимых для субъекта правоотношений качеств» [15, с. 15].

Юридическая наука знает немало примеров коренного переосмысления, казалось бы, давно устоявшихся взглядов, трактовок, дефиниций. Примером здесь может быть тот факт, что советская правовая мысль отвергала естественный, природный характер правоспособности. Утверждалось, что правоспособность – это социально-юридическое свойство субъекта, делегированное ему государством. Впервые эту идею высказал П.И. Стучка [16], далее она была поддержана С.С. Алексеевым [17], О.С. Иоффе [18], Н.И. Матузовым [19], О.О. Мироновым [20]. Теперь же исследователи полагают, что правоспособность принадлежит гражданину с рождения, тем самым подчёркивается её естественный характер с учётом сложившегося подхода международных норм к правам человека. Это правило закреплено и гражданским законодательством в ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

В этой связи суждения, высказанные С.И. Архиповым, представляются нам новаторскими, говоря современным языком – инновационными, но что наиболее важно – отвечающими реалиям современного семейного законодательства.

Мы солидарны с предложенной С.И. Архиповым трактовкой дееспособности с точки зрения не только расширения этого понятия и включения в него тех свойств (качеств), которыми может обладать физическое лицо для определения его субъектом права, но и объединения в этом понятии тех свойств, которые позволяют обозначить возможность юридических и иных лиц быть субъектами. Совершенно очевидно, что это устранил возникшие противоречия между разработками, представленными в трудах учёных-теоретиков, и теми тенденциями развития семейного права, которые требуют установления этого понятия для уяснения перечня субъектов, осуществляющих права и обязанности. Что же касается предложения о вертикальном характере связей между правоспособностью и дееспособностью, то очевидно, что оно не лишено смысла и в отрасли семейного права. Докажем это.

Исходя из утверждения о самостоятельном отраслевом характере семейного права, мы полагаем, что эта отрасль претендует и на самостоятельное определение понятия *дееспособность*, а следовательно, и понятия *правоспособность*. Оба понятия уже довольно глубоко исследованы в юридической науке как теоретиками, так цивилистами.

Широко известной является цивилистическая теория М.М. Агаркова о динамическом характере правоспособности, которая предполагает, что лицо является носителем определённого субъективного права, прав и обязанностей в зависимости от правоотношения, в которое оно вступает [21, с. 70]. В противовес С.Н. Братусь предложил определять правоспособность как право быть субъектом прав и обязанностей, что предполагает статичность этого понятия [22, с. 79].

При этом и М.М. Агарков, и С.Н. Братусь сходились во мнении, что правосубъектность – это право, а не некая способность, свойство или качество лица.

Разграничивая понятия *правоспособность* и *субъективное право*, С.Н. Братусь полагал, что первое является лишь предпосылкой для возникновения субъективного права [22, с. 6]. Этот вывод был поддержан В.И. Серебровским [23, с. 49]. Мы полагаем, что «примирением» двух обозначенных позиций могут стать следующие утверждения. Вступая в правоотношение, безусловно, лицо непосредственно реализует субъективные права, выполняет свои субъективные обязанности, но при этом оно не перестаёт быть носителем прав и обязанностей, предоставленных ему как в отношении того обязательства, в котором оно сейчас осуществляет права и обязанности, так и других обязательств, предоставленных ему в общем порядке, наравне с идентичными субъектами. Вступая в правоотношение, субъект эти права реализует, всё же продолжая ими обладать в общетеоретическом смысле. Значит, мы можем констатировать динамический характер правоспособности лица в зависимости от правоотношения: в одном мы видим, как лицо реализует одно из предоставленных ему прав, в другом мы наблюдаем выполнение им обязанности, опять же предусмотренной, входящей в его правоспособность. И эта *реализация (осуществление)* правоспособности в конкретном правоотношении возможна только через субъективное право, возникшее как преобразование *возможности в действительность*.

Что же касается тезиса С.Н. Братуся о правоспособности как праве быть субъектом прав и обязанностей, то мы полагаем, что они (права и обязанности) не могут существовать отдельно от субъекта, это его свойство (качество, признак). Именно по наличию у субъекта прав и обязанностей, по тому, что он носитель таковых, мы классифицируем лиц на субъектов и участников правоотношения. Таким образом, правоспособность – это возможность субъекта иметь права и обязанности, а субъективное право – это его действительное, уже возникшее и реализуемое право.

В этой связи мы солидарны с мнением О.С. Иоффе, который пишет: «...Если бы субъективное право представляло бы собой только меру дозволенного поведения, то не было бы никакой нужды для обеспечения его существования возлагать на других лиц какие-либо обязанности. Дозволенность поведения вытекала бы из самого факта её государственного признания, и тогда субъективное действительно могло бы существовать вне правоотношения... На самом деле фактическое совершение управомоченным тех действий, возможность которых за ним государством признана, зависит также и от его взаимоотношений с другими лицами, зависит от поведения этих лиц и от того, совершат ли они действия, необходимые для осуществления принадлежащего управомоченного субъективного права» [18, с. 42].

Следует заметить, что сторонниками определения правоспособности как права, наравне с С.Н. Братусем, были такие правоведы, как С.С. Алексеев [17, 24], В.П. Грибанов [25], Я.Р. Веберс [12], А.В. Мицкевич [26].

Мы полагаем, что правы те авторы, которые обосновывают необходимость определения понятия *правосубъектность* именно как возможности, свойства, способности, качества субъекта. Такой позиции придерживались Л. Эннекерус [27], О.С. Иоффе [18], Ю.К. Толстой [28], Н.И. Матузов [19], Р.О. Халфина [29],

О.А. Красавчиков [30]. Объединяя эти элементы, составляющие правоспособности, мы можем назвать их признаком субъекта права. Наличие такого признака свидетельствует, что перед нами субъект права: он наделён возможностью иметь права и обязанности, свойством их иметь, это его способность, его качество. Как не наделена свойством (возможностью) иметь права и обязанности семья, поэтому мы и не называем семью субъектом права.

Противниками последней теории отстаивается мнение, согласно которому способность определяется с опорой на толковые словари. Так, например, у Ожегова способность – «1. Природная одарённость, талантливость. 2. Умение, а также возможность производить какие-н. действия» [31]. В этой связи Е.Г. Белькова полагает, что «если принять способность за правоспособность, то нарушается основополагающий принцип равенства правоспособности физических лиц. Следует учесть, что врождённые различия способностей людей есть реальность... Законодательно невозможно уравнивать физических лиц в способностях, даже рассматриваемых как социально-правовых, но законодатель может установить равенство прав для всех граждан» [32, с. 56].

Мы полагаем: Е.Г. Белькова здесь допускает несколько неточностей. Равенство прав физических лиц, как и равенство правоспособности, безусловно, является одним из основополагающих принципов права. Но что есть право лица? Это его возможность, она ещё не стала действительностью, она существует абстрактно, а потому и будет потенциально равной для всех идентичных субъектов (в данном случае физических лиц). Будь лицо способным осуществить право, например, вступить в брак, или будь оно неспособно на осуществление такого права, лицо является носителем этого права. Законодатель не может исключить ситуацию, при которой у лица отпадут препятствия к осуществлению права: недееспособный может излечиться от заболевания, а несовершеннолетний достичь брачного возраста. Поэтому способность в юридическом смысле не есть сравнение таланта, умения и т. д. Это признак, позволяющий в контексте правоспособности определить субъекта права. Как нам представляется, именно поэтому в работе Е.Г. Бельковой встречается авторская дефиниция отраслевой гражданской правоспособности, противоречащая рассуждениям об определении правоспособности как права, а именно: «Таким образом, гражданская правоспособность может быть определена как реальная, предусмотренная законом и гарантированная государством *возможность* (выделено нами. – Е.К.) приобретения субъективных прав и обязанностей, имеющая значение предпосылки участия граждан в правоотношениях» [32, с. 55].

Тем не менее мы солидарны с мнением Е.Г. Бельковой, представленным в работе, посвящённой правосубъектности и праводееспособности в гражданских правоотношениях, а именно: «...Понятия “правосубъектность” и “праводееспособность” не могут рассматриваться как тождественные применительно ко всем физическим лицам. Определённые лица (несовершеннолетние, признанные судом недееспособными) являются правосубъектными. Они обладают правоспособностью, но не дееспособностью, однако этого достаточно для того, чтобы субъектом гражданских прав и обязанностей» [33, с. 56]. Дефицит их дееспособности в соответствии с законом будет восполнен представителем.

Аналогично, например, положение несовершеннолетнего в его взаимоотношениях с третьими лицами в семейном праве. Родитель (иной законный представитель) восполняет семейную дееспособность несовершеннолетнего ребёнка и действует в его интересах. Однако, в отличие от гражданских правоотношений, связанных непосредственно с имущественной составляющей или с теми личными неимущественными правами гражданина, которые не затрагивают его права на семью, деторождение, представитель, по сути, может восполнить дееспособность лица во всех гражданских правоотношениях. В семейных правоотношениях невозможно полное замещение (восполнение) дееспособности лица. Так, недееспособное лицо не может вступить в брак даже при наличии опекуна. Аналогичное правило установлено и в отношении несовершеннолетнего, только достижение им установленного минимального брачного возраста позволит ему при наличии и иных условий вступить в брак.

Обратим внимание на законодательство отдельных субъектов РФ, в которых это положение семейного законодательства могло быть нарушено. Например, в проекте Постановления Главы муниципального образования г. Гусь-Хрустальный Владимирской области «Об утверждении Административного регламента предоставления муниципальной услуги “Выдача разрешения на снижение брачного возраста несовершеннолетним гражданам”», размещённом на официальном сайте Администрации муниципального образования г. Гусь-Хрустальный 29 апреля 2013 г., содержится указание на необходимость получения согласия родителя несовершеннолетнего (либо его законного представителя) на вступление в брак³. Семейное законодательство РФ не допускает включение подобных условий в местное законодательство о браке, оно лишь допускает разработку оснований, но не дополнительных условий.

Исключительно цивилистический подход к пониманию дееспособности ставит под сомнение все теоретические разработки в этой области. Так, М.Н. Марченко пишет: «Дееспособность... указывает на потенциальные возможности субъектов быть участниками различных правоотношений. У государственных и общественных органов и организаций – субъектов права, как правило, нет разрыва между правоспособностью и дееспособностью. Они возникают, осуществляются и прекращаются одновременно. Что же касается граждан, то здесь существует порой значительный разрыв» [34, с. 594]. Аналогичное мнение, но в отношении юридических лиц высказывает В.С. Нерсесянц: «Дееспособность юридических лиц наступает вместе с правоспособностью, так что они обладают единой правдееспособностью» [35, с. 511], а также Н.И. Матузов: «...Моменты возникновения право- и дееспособности юридического лица совпадают во времени и определяются моментом его государственной регистрации» [36, с. 213]. Таким образом, теоретические представления о государственных органах и юридических лицах включают в понятие их правосубъектности – не только правоспособность, но и дееспособность.

Существующие гражданско-правовые нормы, не содержащие такого понятия, как дееспособность, применительно к лицам юридическим, убеждают нас, что оно (юридическое лицо) не нуждается в дееспособности, несмотря на то

³ См. <http://gusadmin.ru/discussion/24021/>

что оно и не может во всех случаях свободно осуществлять все указанные в законе права: заключать любые сделки, участвовать в любых правоотношениях. Для этого юридическое лицо должно обозначить свои права в учредительных документах, то есть избрать для себя определённый круг прав, который оно будет реализовывать. Кроме того, отдельные виды деятельности юридического лица требуют не только их фиксации в норме права, учредительных документах, но и получения специальных разрешительных документов. Тем самым юридическое лицо подтверждает свою *дееспособность* – то есть способность осуществлять те права и обязанности, которые содержатся в его правоспособности, и только сочетание двух свойств субъекта говорит о его правосубъектности. И хотя определение дееспособности в Гражданском кодексе РФ не оставляет сомнений в принадлежности этого качества исключительно физическому лицу, поскольку характеризует его психическое и (или) физиологическое состояние, мы полагаем, что дееспособность может быть представлена как более широкое свойство (качество) субъекта.

В семейном праве субъекты, как нам представляется, обладают и право-, и дееспособностью, при этом последнее не может по аналогии с гражданским правом быть свойством только физического лица. Солидаризуясь с мнением С.И. Архипова, полагаем, что понятие дееспособности в том контексте, который предложен им, вмещает в себя свойства (качества) субъекта семейного правоотношения.

В трудах А.М. Нечаевой проведён сравнительный анализ правоспособности и дееспособности физических лиц. Так, к основным отличиям она относит следующее:

- в отличие от правоспособности, дееспособность зависит от возраста гражданина;
- последняя напрямую связана также и с состоянием здоровья гражданина, тогда как правоспособен гражданин всегда;
- правоспособность статична, а дееспособность, напротив, имеет динамический характер (способна расширяться и сокращаться);
- правоспособность относится к естественным правам человека, а дееспособность основана на законе [1, с. 34].

Поддерживая и беря за основу представленную градацию, определим отраслевую семейную правоспособность и дееспособность субъектов семейного права. Расширение понятия *дееспособность* в семейном праве и, соответственно, утверждение о необходимости её применения к таким субъектам, как юридические лица и органы власти, позволяют прийти к следующим выводам.

1. Семейной правоспособностью наделяется физическое лицо с момента рождения, юридическое – с момента надлежащей государственной регистрации, орган власти – с момента разграничения полномочий между ним и иными органами власти. При этом семейная дееспособность физических лиц, подобно гражданской дееспособности, зависит от возраста и здоровья лица (примером здесь может являться установленный ст. 13 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) брачный возраст, а также ст. 127 СК РФ, содержащая требования, предъявляемые к состоянию здоровья усыновителя и др.), тогда как отраслевая семейная дееспособность лица юридического не может возникнуть лишь из самого факта его создания. Так, например, ст. 155.2 СК РФ определяет, что права и обязанности

организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, возникают не с момента создания таких юридических лиц, а с момента принятия органами опеки и попечительства актов об устройстве детей в указанные организации. Только на основании этого административного акта юридическое лицо наделяется *возможностью* вступать в семейное правоотношение, где оно непосредственно замещает собой законного представителя ребёнка, и только с этого момента у юридического лица имеется весь объём прав в отношении ребёнка, установленный семейным законодательством. Получив статус субъекта, теперь это юридическое лицо самостоятельно определяет свои дальнейшие действия: передаёт ребёнка в приёмную семью (п. 3 ст. 155.2 СК РФ), определяет возможность распоряжения денежными средствами, принадлежащими ребёнку (абз. 2 п. 2 ст. 84 СК РФ), представляет его интересы (ст. 75, абз. 2 п. 1 ст. 129 СК РФ) и т. д. Другими словами, оно вступает в различные семейные правоотношения, непосредственно создавая для себя права и обязанности, преобразуя свои *возможности в действительность*.

2. Не все юридические лица и организации могут быть отнесены к субъектам семейных правоотношений, поэтому в зависимости от того, будет ли это лицо иметь *возможность* стать субъектом правоотношения или останется лишь его участником, наблюдается некоторая разница наделения его дееспособностью. Так, не являются субъектом семейных правоотношений организации по усыновлению детей или органы, специально уполномоченные на то иностранными государствами, которое осуществляется на территории РФ. Они не создают непосредственно в отношении себя прав и обязанностей, а являются посредниками, участвующими в правоотношении по усыновлению ребёнка. Права и обязанности возникают у усыновителей и несовершеннолетнего, тогда как эти организации (органы), осуществив кратковременные действия, строго регламентированные законодательством, выбывают из правоотношения. Субъекты правоотношения продолжают в нём (правоотношении) действовать. Поэтому правосубъектность таких участников следует считать ограниченной – она ограничена рамками определённого действия или нескольких действий, подчинённых общей цели, ради которой эти участники и наделены ограниченной правоспособностью и дееспособностью. Таково, например, положение воспитательных учреждений, медицинских организаций, учреждений социальной защиты населения и аналогичных организаций, в которых находится ребёнок. В соответствии с п. 4 ст. 66 СК РФ родитель, проживающий отдельно от ребёнка, имеет право на получение информации о нём от таких организаций. Но в предоставлении информации может быть отказано, если организация будет полагать, что такое предоставление угрожает жизни и здоровью ребёнка со стороны родителя. Здесь мы наблюдаем, что соответствующие юридические лица наделены специальными правами. Правосубъектны ли они? Да, но их участие в правоотношении носит строго ограниченный характер: предоставляет право на одно определённое действие. Как и в предыдущем примере, юридическое лицо не создаёт прав и обязанностей в отношении себя (строго говоря, оно их вообще не создаёт), однако непосредственно оказывает влияние на семейное правоотношение – родительское.

Другой пример, более значимый по последствиям для родительского правоотношения, – положение п. 3 ст. 73 СК РФ, в котором сказано, что иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями и другими организациями. Право на предъявление иска не даёт соответствующему юридическому лицу каких-либо прав и обязанностей в правоотношении между несовершеннолетним и его родителями, так как в случае ограничения этих прав права и обязанности по защите интересов несовершеннолетнего возникают у органа опеки и попечительства, который в свою очередь может их делегировать юридическому лицу: интернату, социальному учреждению и т. д. Истец лишь участник родительского и опекунского (попечительского) правоотношения: выполнив свою обязанность, участник устраняется (выпадает) из правоотношения, тогда как его субъекты продолжают взаимодействовать. Стоит ли считать, что участник семейного правоотношения – лицо второстепенное, подчинённое по сравнению с субъектами? Очевидно, что если участник, по сути, может изменить статус субъекта, порой настаивая на прекращении прав последнего, значение его трудно переоценить.

Таким образом, разграничение понятий *субъект семейного правоотношения* и *участник семейного правоотношения* мы определяем по **возможности** лица создавать в правоотношении права и обязанности в отношении себя. Субъект правоотношения их создаёт, преобразует свои **возможности в действительность**, а участник выполняет в правоотношении определённое своей правосубъектности действие, затем выбывая из него. Но и первые, и вторые лица – **субъекты семейного права**. Они наделены отраслевой семейной правосубъектностью: полной либо ограниченной, которая далее осуществляется (реализуется) в правоотношении.

Дефиниция *правосубъектность* имеет основополагающее значение для определения и классификации субъектов права и субъектов правоотношения. Именно определение прав и обязанностей как в общем, так и отраслевом и специальном виде правосубъектности позволяет констатировать статус субъекта.

Для обоснования сделанного вывода обратимся к рассмотрению вопроса о возможности определения правосубъектности семьи. Доказав её правосубъектность, мы сможем отнести это коллективное образование к субъектам семейного права и (или) к субъектам семейного правоотношения. Либо, если нами не будут установлены необходимые свойства этого лица, мы сможем обосновать вывод о том, что семья не является таковым субъектом.

Некоторыми учёными аргументировалась позиция, согласно которой семью следует рассматривать как субъект права. Такие суждения встречаются в работах О.А. Красавчикова [30, с. 18–19] и Ю.А. Королёва [37]. Позволим себе не соглашаться с ними.

Непосредственными свойствами лица, претендующего на правосубъектность, будут его правоспособность и дееспособность. Очевидно, что семья не является юридическим лицом, отсюда она не может обладать свойствами правосубъектности юридического лица. Видимо, семья не обладает свойствами правосубъектности вообще, несмотря на то что семья наряду с материнством и детством в соответствии со ст. 38 Конституции РФ находится под защитой госу-

дарства. В отношении материнства и детства как основополагающих субъектов прав (матери и ребёнка) мы наблюдаем определённое отраслевое продолжение правосубъектности, закреплённое как непосредственно в СК РФ, так и в иных отраслевых и межотраслевых нормативных актах. Семья же в отрасли семейного права «распадается» в дальнейшем на отдельных её субъектов: супругов, родителей, детей, иных родственников. Тем самым определённо можно утверждать, что семья не является субъектом семейного права и семейных правоотношений.

Это может быть подтверждено и теми положениями семейного законодательства, что регулируют имущественные отношения внутри семьи, и теми имущественными связями, что возникают между семьёй и третьими лицами. Так, на сегодняшний день установлено, что родители не имеют прав на имущество детей, а дети не имеют прав на имущество родителей (ст. 60 СК РФ). Поэтому при получении займа или кредита мы определённо можем говорить, что имущественное гражданское правоотношение возникло не между кредитором и должником, коим является семья, а между кредитором и должником – членом семьи, который может, впрочем, нести самостоятельную имущественную ответственность. Так, один из супругов может доказать, что долг является личным долгом его супруга. Заметим, что, по общему правилу, пока не доказано иное, долг будет считаться общим долгом супругов (ст. 39 СК РФ). Однако мы видим, что семья не рассматривается в качестве самостоятельного субъекта, а представляет собой объединение субъектов, обладающих хоть и равными, но автономными правами и обязанностями.

Обратим внимание и на то, что семья, не имея закреплённых субъективных прав и, соответственно, не неся обязанностей, не может быть подвергнута и ответственности.

Нельзя не признать, что этому понятию в семейном законодательстве отводится столь важное значение, что его трудно переоценить. Не наделяя семью самостоятельной правосубъектностью, законодатель ставит её интересы несравнимо выше, чем интересы любого члена семьи. Об этом прямо говорят положения ст. 1 СК РФ: *Права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан.* При этом законодатель стремится сохранить некий баланс интересов таких субъектов, упоминая в ч. 2 ст. 7 СК РФ, что *осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан.* В свою очередь, ст. 31 СК РФ возлагает на супругов обязанность содействовать благополучию и укреплению семьи.

Исследование проблемы интереса в семейных правоотношениях представлено в работах О.Ю. Ильиной. В частности, по вопросу взаимодействия интереса семьи и отдельных её членов она отмечает, что «и гражданское, и жилищное законодательства предоставляют гражданам возможность осуществлять принадлежащие им права в своём интересе, в то время как семейное законодательство исключает такую свободу усмотрения членов семьи. <...> В данной норме путём умолчания закреплена цель, которую преследует государство... Цель эта заключается в обеспечении интересов семьи как единого организма, подлежащего

публично-правовой охране и защите. Интересы отдельных членов семьи должны быть подчинены интересам семьи. Формирование же и определение интересов семьи также осуществляется государством путём установления семейных прав и обязанностей граждан, правил их осуществления и исполнения» [4, с. 32–33].

Таким образом, семья, являясь ценностно-правовым понятием в семейных правоотношениях и семейном праве, не является самостоятельным субъектом, не обладает ни одним видом правосубъектности: общим, отраслевым или специальным. Это понятие выполняет функцию сближения и сопоставления правосубъектности всех её членов, при этом объединяя их; семья как категория выражает их общий интерес и потребности. Отмечая значение семьи для семейной правосубъектности физических лиц, Я.Р. Веберс писал: «В отличие от гражданских правоотношений, субъектом которых способен быть любой гражданин в силу того, что он является членом... общества, в семейных правоотношениях граждане могут быть субъектами лишь как члены семьи» [12, с. 87–88].

Действительно, будь то родительское или супружеское правоотношение, мы наблюдаем ситуацию, при которой физическое лицо является частью большого «механизма» – семьи. Это утверждение будет справедливо в том числе в случае устройства ребёнка, оставшегося без попечения родителей: будь то опека, приёмная семья, усыновление. Во всех без исключения случаях мы видим, что физические лица объединяются в семью, а не действуют автономно в семейном правоотношении, в конечном итоге и само их обращение за опекой или усыновлением ребёнка является не чем иным, как стремлением к такому объединению.

Изложенное позволяет нам представить дефиницию отраслевой правоспособности и дееспособности с учётом очевидной необходимости расширения перечня лиц, относящихся к субъектам семейного права и правоотношения.

Итак, под отраслевой семейной правоспособностью необходимо понимать элемент правосубъектности лица, представляющий собой его свойство (признак), позволяющий лицу быть субъектом семейного права, его возможность быть носителем отраслевых прав и обязанностей. В свою очередь, отраслевая семейная дееспособность – это готовность лица, выраженная в достижении возраста, оформлении организационных, имущественных, властных функций, которая позволяет лицу вступить в семейные правоотношения.

Summary

E.V. Kosenko. Sectoral Definition of the Legal and Active Capacity in Family Law.

The paper analyzes the current legal doctrine of natural and entity persons in civil and family laws in terms of their comparative analysis and sectoral characteristics. Discussion on the suggestion to waive the mainly civil approach to definition of the legal and active capacity is encouraged. This led to the suggestion that the sectoral theoretical conclusions can be brought in line with the general theory of law.

The modern scientific material on the theory of law is used. Innovative suggestions in this area of knowledge are presented. An attempt is made to extend particular suggestions to the area of family law. We introduce our own definition of such sectoral concepts as *legal capacity* and *active capacity*. The necessity of their determination based on a thorough analysis of research works of both Soviet and current periods in the development of legal thought is proved.

Keywords: legal capacity, active capacity, judicial personality, natural person, entity person, characteristic of subject, right of subject.

Источники

- ГК КНР – Общие положения гражданского права КНР (приняты на 4-й сессии Всеки-тайского собрания народных представителей шестого созыва 12 апр. 1986 г.). – URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/general_principles_civil_law, свободный.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
- СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
- КРФ – Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Литература

1. *Нечаева А.М.* О правоспособности и дееспособности физических лиц // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 29–34.
2. *Савельева Н.М.* Правовое положение ребёнка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты. – Самара: Универс-групп, 2006. – 151 с.
3. *Шершень Т.В.* В год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. – 2008. – № 5. – С. 2–6.
4. *Ильина О.Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. – М.: Городец, 2007. – 192 с.
5. *Беспалов Ю.Ф.* Некоторые вопросы семейной дееспособности ребёнка // Нотариус. – 2005. – № 2. – С. 13–23.
6. *Леженин В.Н.* Избранные труды. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. – 165 с.
7. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Низамиева. – М.: Проспект, 2010. – 465 с.
8. *Остапенко А.В.* Дееспособность граждан как гражданско-правовая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2011. – 30 с.
9. *Орлова О.Б.* Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 201 с.
10. *Хватова М.А.* Гражданская и семейная правосубъектность физических лиц в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 203 с.
11. *Архипов С.И.* Субъект права: теоретическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 46 с.
12. *Веберс Я.Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. – Рига: Зинатне, 1976. – 232 с.
13. *Мезрин Б.Н.* Место гражданской правосубъектности в механизме правового регулирования // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. О.А. Красавчиков. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. – Вып. 62. – С. 45–53.
14. *Илларионова Т.И.* Структура гражданской правоспособности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: Межвузов. сб. науч. тр. / Отв. ред. О.А. Красавчиков. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. – Вып. 62. – С. 54–64.
15. *Кузнецов С.В.* К вопросу о соотношении сопутствующих категорий «субъект права» и «субъект правоотношений» // История государства и права. – 2013. – № 15. – С. 14–19.
16. *Стучка П.И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / Сост. Г.Я. Клява. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. – 748 с.

17. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права: в 4 вып. – Свердловск: СЮИ, 1964. – Вып. 2. – 226 с.
18. *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву: Сб. ст. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – С. 21–64.
19. *Матузов Н.И.* Социалистическая демократия и субъективные права граждан // Сов. государство и право. – 1972. – № 6. – С. 19–25.
20. *Миронов О.О.* Особенности правоспособности в советском государственном праве // Вопросы теории государства и права: Сб. ст. / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Коммунист, 1968. – Вып. 1. – С. 149–159.
21. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с. (Учён. тр. Всесоюз. ин-та юрид. наук. Вып. 3)
22. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – 367 с.
23. *Серебровский В.И.* Очерки советского наследственного права. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.
24. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
25. *Грибанов В.П.* Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970. – 28 с.
26. *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. – М.: Госюриздат, 1962. – 211 с.
27. *Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М.* Курс германского гражданского права. – М.: Изд-во иностр. лит., 1949. – Т. 1, полутом 1. – 432 с.
28. Гражданское право: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Велби, 2005. – Т. 1. – 765 с.
29. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 351 с.
30. *Красавчиков О.А.* Основы жилищного законодательства: предмет регулирования и юридическая природа // Основы советского жилищного законодательства: Межвуз. сб. науч. ст. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1981. – С. 9–25.
31. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>, свободный.
32. *Белькова Е.Г.* Понятие и сущность правоспособности // Изв. Иркут. гос. эконом. акад. – 2006. – № 5. – С. 54–59.
33. *Белькова Е.Г.* О категориях «правосубъектность» и «праводееспособность» // Изв. Иркут. гос. эконом. акад. – 2006. – № 6. – С. 55–58.
34. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. – М.: Велби: Проспект, 2004. – 640 с.
35. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2002. – 552 с.
36. *Матузов Н.И., Ушанова Н.В.* Возможность и действительность в российской правовой системе. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. – 392 с.
37. *Королёв Ю.А.* Семья как субъект права // Журн. рос. права. – 2000. – № 10. – С. 61–66.

Поступила в редакцию
21.04.15

Косенко Елена Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия.

E-mail: E_Kosenko1978@mail.ru